

«ИЖЕ ГДЕ ЛИХИХ НЕТ...» НАПАДЕНИЯ В СТЕПИ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МИССИИ И ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЕ В XV–XVI вв. РОССИЯ, ТАТАРСКИЕ ГОСУДАРСТВА И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ ПЕРЕД КРИМИНАЛЬНЫМ ВЫЗОВОМ «ВОЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ»

М.В. Моисеев

Аннотация. Целью статьи является намерение выяснить историю нападений на посольские миссии, изучив те практики, с помощью которых государства пытались урегулировать такие происшествия. В основу исследования положены посольские документы, как опубликованные, так и хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов. В ходе работы удалось выявить, что «поле», использовавшееся русскими дипломатами, имело вполне конкретное значение — как территория в пространстве Великой Степи, находящаяся вне всякой юрисдикции. Именно здесь формировались многонациональные «вольные сообщества», промышлявшие охотой на посольские миссии, которые, как правило, сопровождались купеческими караванами. Эти нападения приводили к дипломатическим конфликтам. Пострадавшие стороны требовали правосудия, но осуществить его в реальности было затруднительно. В итоге «великие державы» избрали практику осуществления принуждения к праву лишь тех участников нападений, которые оказывались в зоне действия их юрисдикции. С другой стороны, сами правительства были заинтересованы в функционировании казачества, т.к. оно позволяло решать ряд государственных задач достаточно дешево и безопасно для государственных интересов.

Ключевые слова: казачество, вольные сообщества, Азов, дипломатические миссии, дипломатическая переписка, криминал, послы.

Моисеев Максим Владимирович, кандидат исторических наук, зав. сектором отдела «Музей археологии Москвы», ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы», 119021, Россия, Москва, Зубовский бульвар, д. 2; старший научный сотрудник НОЦ «Наследие» Новосибирского государственного университета, 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2, maksi-moisee@yandex.ru.

RAIDS ON DIPLOMATIC MISSIONS IN THE STEPPE AND THEIR SETTLEMENT IN THE 15TH–16TH CENTURIES. RUSSIA, TATAR STATES AND OTTOMAN EMPIRE AND THE CHALLENGE OF CRIMINAL “FREE COMMUNITIES”

M.V. Moiseev

Abstract. The purpose of this article is to trace back the history of attacks on diplomatic missions and how states tried to resolve the incidents. The research is based on Embassy documents, published and stored in the Russian State Archive of Ancient Acts. The article reveals that the “field” used by Russian diplomats had a very specific meaning of the territory in the great Steppe (where Cossack communities were formed) which is beyond any jurisdiction. Assaults on diplomatic missions, which were often accompanied by merchant caravans, led to diplomatic conflicts. The injured parties demanded justice, but justice was difficult to implement in reality. As a result, the “great powers” chose to enforce the law only in their jurisdiction. On the other hand, the governments themselves were interested in the Cossacks, as they helped to solve numerous state problems much cheaper and safer.

Keywords: Cossacks, free communities, Azov, diplomatic missions, diplomatic correspondence, crime, ambassadors.

Moiseev Maksim V., Candidate of Science (History), Head of the Sector of the Department “Museum of Moscow’s Archeology”, Museum Association “Museum of Moscow”, 2, Zubovskiy Blvd., Moscow, 119021, Russian Federation; Senior Research Fellow of the Scientific and Educational Center “Legacy”, Novosibirsk State University, 2, Pirogova St., Novosibirsk 630090, Russian Federation, maksi-moiseev@yandex.ru.

Криминальная история дипломатии еще не написана. Как правило, драки, бандитские нападения, кражи, сминивание людей, вымогательства и мошенничество оказывались на периферии исследовательского интереса. Именно поэтому многие правовые коллизии дипломатической истории не имеют адекватной оценки. Так, к примеру, все факты применения ареста и удержания трактуются как однозначные проявления репрессивного характера посольского обычая Московского государства или Крымского ханства. При этом априорно принимается убеждение, что в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени принципы экстерриториальности и посольского иммунитета обладали правовой силой и общей распространенностью. Но, как показывают специальные исследования, это вовсе не так. В это время подобные правовые концепции не имели обязательного характера и легко преодолевались, особенно в рамках действия принципа взаимности.

Движение посольств от пункта отправки до пункта назначения никогда не было спокойным и безопасным мероприятием. Неожиданности и происшествия могли поджидать дипломатов уже сразу за порогом дворца правителя, но стократно опасность возрастала во время движения «полем», принадлежавшим сразу всем и всеми одинаково плохо контролируемым. В предлагаемой работе мы рассмотрим в первую очередь случаи, происходившие именно в степи, и выясним, как на эти события реагировали правители, отправившие своих послов, и какие избирались способы борьбы с пограничным криминалом.

Дезорганизация Большой Орды после поражения в стоянии на реке Угре в 1480 г. и последовавшего убийства хана Ахмеда в 1481 г. привели к тому, что часть ордынцев откололась от основных кочевий и начала, как говорили тогда, «казаковать», сбиваясь в шайки разной степени организации. Эти новые сообщества («джамаат ат-казаки») постепенно стали группироваться вокруг Азова. Эти группы получили в русских источниках название «ординских» и/или «азовских» казаков [подробнее см.: Трепавлов, 2018, с. 173–176]. В октябре 1493 г. «...прииде из Волох Иван Андреевич Субота Плещеев, а ис Крыма Костянтин Заболотцкой, а шли Полем, и грабили их на Поле татарове Ординские казаки» [ПСРЛ-12, с. 287]. Позднее в степи будет действовать группировка Угуз-Черкаса и Карабая, терроризирующая русские посольства. 17 апреля 1500 г. «...отпустил князь великий крымского посла Азихалеля, да с ним вместе послал своего посла к крымскому царю Менли-Гирею князя Ивана Семеновича Кубенского, да с ним вместе отпустил многих гостей московских. И поидоша Полем и придоша на них татарове, азовские казаки Угуз-Черкас да Карабай, и грабиша их на Поле, а иных гостей полониша, а иных побиша; а иныя гости со князем Иваном и с крымским послом на ясачных конех отъехалаша и придоша в Крым; а которые дети боярския их провожали, те все поздорову приехалаша в Москву. А князь Иван Кубенской в Крыме приставился» [ПСРЛ-12, с. 250–251]. Спустя год все те же Угуз-Черкас и Карабай вновь напали на русское посольство: в июле 1501 г. «грабиша на Поле на Полузоровском перелеске великого князя послов, князя Феодора Ромодановского да Андрея Лапенка, — и Андреи

тамо и скончался, – и гостей многих пограбиша азовские казаки Угуз-Черкас да Карабай» [ПСРЛ-12, с. 253]. Именно в это время, как показал И. А. Мустакимов, при Азове сформировалось многонациональное «вольное сообщество» азовских казаков, но ведущая роль в нем принадлежала бывшим ордынцам [Мустакимов, 2017, с. 184]. Кроме них «на большую дорогу» выходили и крымские аристократы: в июне 1496 г. «... шед (Иван Ощерин и Лука Волошанин посольство в Волохи. – М. М.) и посольство правив, отпущены назад поидоша и на пути под Теробовлим, пришед, пограбил их Япанча-Султан, крымского царя сын, с своими казаки. Они же возвратишася к Стефану воеводе; Стефан же воевода послал о том своего посла к крымскому царю Менли-Гирею; царь же крымский повеле своим князем и казаком то обыскати и грабленное отдати; они же, сыскав, мало отослаша, а большее изгибе» [ПСРЛ-12, с. 244].

Но можем ли мы относить эти нападения только лишь к периоду нестабильности рубежа XV–XVI вв.? Отнюдь. Анализ дипломатической переписки, например, относящейся ко времени Ивана Грозного, убеждает нас, что послы всегда были лакомой добычей для всевозможных авантюристов – независимо от их подданства и происхождения. В августе 1534 г. ногайский бий Саид-Ахмед жаловался малолетнему Ивану, что мещерские казаки ограбили ногайский караван, следовавший в Казань: «...Барак багатыря в Казань был есми посылал, всех их было шестьдесят человек да на двесте тысяч московских денег товару был есми с ними послал, да четыреста по головьем коней у них было, да у них жо тысяча была овец. То все у них поймали ваши казаки мещерские, да у них же четырех человек убили до смерти, а дву человек полонили, головами свели...» [ПКСРНО, с. 92]. И это был не единичный случай: «Опроче того наших людей сорок человек ис Казани шло, и мещерские же казаки у тех наших людей, трех человек у них взяв, головами свели, да с Сарыем шло восемьсот лошадей да пятьсот кавтанов» [ПКСРНО, с. 92]. Послание Саид-Ахмеда от мая 1535 г. уточняет, что Барак был не просто ордобазарец бия, а мулла и его посол [ПКСРНО, с. 130]. В течение 1534–1535 гг. ногаи безуспешно пытались добиться от русских возмещения понесенных убытков и освобождения пленных. Однако в Москве на эти события, очевидно, смотрели по-другому и полагали, что эти нападения были частью русско-казанской войны. Такое понимание было изложено, к примеру, в послании к Кель-Мухаммеду в октябре 1536 г.: «И те ваши люди пошли были воевать на наши украины и встретились с нашими людьми, и нашим людям в руки попали. Ино вы нам дружбу хотите делати, а ваши люди нашим землям лихо чинят. И нам было тех ваших людей и непригоже вам отдати» [ПКСРНО, с. 188]. В июле 1538 г. обсуждалось нападение мещерских казаков на ногайского посла в Московское государство: «...наши казаки Байтерека потоптали, пятьдесят человек убили, а пятьдесят человек тех людей к вам пришли, а лошадей взяли у твоих людей две тысячи». Ногаи ожидаемо требовали возместить убытки и покарать виновных, но русские власти на это ответили красноречивой сентенцией: «И вам гораздо ведомо: лихих где нет? На Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и

иные баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними ж смешався, ходят, и те люди как вам тати, так нам тати и розбойники, и на лихо их ништо не учит, а, учинив которое лихо, розъезжаются по своим землям» [ПКСРНО, с. 230]. Высказывание это, с нашей точки зрения, крайне интересно. Русские переговорщики указывают ногаям на факт существования в «поле» вольного сообщества, которое составляли подданные разных государей. Эти сообщества имели не только смешанный, но и временный характер. После совершения удачных акций эти группы распались и возвращались в свои страны. Такой непостоянный характер этих сообществ не позволял, по крайней мере с точки зрения московских властей, вести с ними эффективную борьбу. В Москве после совещания бояр с ногойским послом Байтерекем пришли к консолидированному мнению отказаться от возмещения убытков: «И посол твой Байтерек сказал, что ты то дело пооставил. А и сам посол твой Байтерек также не хочет памятовати тех своих убытков» [ПКСРНО, с. 231]. Впрочем, это не означало, что русские власти решили попустительствовать криминальной деятельности своих подданных. Отнюдь. Они заверяли ногоаев, что в Касимов будут направлены чиновники, которые должны провести розыск. При удаче преступников предполагалось казнить, а убытки по мере возможности возместить [ПКСРНО, с. 231]. Как бы то ни было, но навести порядок в «поле» москвичам так и не удалось, и в 1550 г. уже в послании Юсуф-бию вновь мы сталкиваемся с меланхолическим замечанием: «А дорогою б идучи, береглися сами, занеже и сам знаешь гораздо, на Поле всегда всяких лихих людей много разных государств. И тех людей кому мочно знати? Кто ни ограбит, тот имени своего не скажет. И гости б ваши ходили однолично бережно. А нам их на Поле беречи нельзе, бережем их и жалуем в своих государствах» [ПКСРНО, с. 298]. Можно заключить, что «поле» было признано ничейной территорией, не подпадающей, по крайней мере, под русскую юрисдикцию. Более того, вряд ли это будет необоснованным, если мы отметим, что правительство Ивана IV не верило в успешность розыска нападавших, укрывшихся в русских пределах. Единственно, на что пошли в Москве, так это пообещали Юсуфу организовать в «поле» карательную экспедицию, дабы наказать казаков Сары Азмана, и предлагали Юсуфу сделать тоже самое [ПКСРНО, с. 327]. В 1552 г. «возмутительную» историю рассказывал русский посланник в Астрахань Севастьян. На флотилию, в составе которой он следовал, на Иргизском устье пришел в стругах князь Василий Мещерский и казак Пичуга Хромой, путивлец. Они захватили судно хана Ямгурчи и перебили всю команду. Севастьян, воспользовавшись своим официальным статусом, попробовал добиться от них возвращения судна. Но казаки не отдали корабль, а самого посла «соромотили». В своей отписке, надеясь, что власти попробуют разобраться с этим конфликтом, посланник указывал на человека, знавшего этих бандитов — это был некий Михалко Грошов, который жил в Рязани у Якова Измайлова и который предупреждал Севастьяна об угрозе с их стороны [ПКСРНО 1551–1561, с. 84]. Ногаи, в свою очередь, также не оставались в долгу. Иван Васильевич в январе 1553 г. напоминал Исмаилу, как ногаи напали на русского гонца Мамкея Девлечарова, направленного в

Ногайскую Орду с сеунчем о взятии Казани. Царь требовал найти виновных и казнить, обещая, в свою очередь, убрать с Волги своих казаков, которые, как выясняется, промышляли тем же [ПКСРНО 1551–1561, с. 114–115]. В 1554 г. проблема нападений на ногайских послов вновь была затронута в переписке: «Да сказывали нам, что из нашии земли розбоиники, прибежав, на Волге стали и гостей ваших грабили». Однако теперь царские власти заняли более решительную позицию. Виновные были выявлены, и их собирались казнить перед послами, но «...послы смерть их отпросили», и смертная казнь была заменена на тюремное заключение [ПКСРНО 1551–1561, с. 149]. В марте 1556 г. дети погибшего бия Юсуфа, выбитые из Ногайской Орды, напали на русское посольство, следовавшее к новому правителю, Исмаилу, захватив в плен посланника Андрея Тишкова [ПСРЛ-13, с. 269]. В сентябре 1556 г. Ивану Черемисинову удалось выменять Андрея на 15 женщин «астраханского полону» [ПСРЛ-13, с. 274]. В 1557 г. вокруг уже русской Астрахани бродили разнообразные шайки, которые нападали на гонцов и посланников. Так, Иван Черемесинов отправил Ак-Булата, который должен был перегнать черкасских аргамаков в Москву. Кони эти предназначались для царской конюшни. Однако на него напал Урус мирза и ограбил «донага». Вмешательство в дело посланника Е. Мальцева позволило несколько урегулировать ситуацию. Впрочем, для этого пришлось пуститься на хитрость. Е. Мальцев писал в своей отписке, что когда несчастного Ак-Булата привели к Юнусу, то он астраханца подучал говорить, что его царь «к Юнусу послал з грамотами. И грамоту... у него отнесли». Такая нехитрая ложь привела к тому, что Юнус дал Ак-Булату лошадь, а русский посол – одежду [ПКСРНО 1551–1561, с. 247]. Можно, конечно, посчитать, что в данном случае это была ошибка, вызванная неразберихой ногайской междоусобицы. Но тогда же русский посланник Иван Тверетиннов сообщал: «И до Волги есмя доехали, дал Бог здорово, а живу третью неделю проити немочно: емлют твои государевы ватаги мало нежедень – не ведаем, крымские люди или нагаиские» [ПКСРНО 1551–1561, с. 248]. В 1558 г. Е. Мальцев сообщал, что астраханские воеводы Иван Черемисинов и Михаил Колупаев не могут отправить коней для царской казны, т.к. по крымской стороне много ногайских казаков [ПКСРНО 1551–1561, с. 277]. Е. Мальцев, отличавшейся энергичностью и предприимчивостью, решил организовать этот перегон. Он договорился с Исмаилом, чтобы тот пропустил этот караван через свои земли. После этого он отправил в Астрахань своего неизменного помощника – сына Владимира, и тот пригнал в «исмаилево кочевье» всех коней: «Твои государев аргамак, что тебе прислал государю крым-шавкаль с твоим государевым служилым татаринном с Ысенем да с своим послом с Бекбулатом. Да и посла того, государь, ко мне ж привел. Да твои же государев аргамак – рыж лыс да полше-стадесять лошадеи. Да Черемисинова лошеди да Колупаева да Данила Бортенева, да стрелетцкие лошеди, да казачьи и дети боярских...». Легко заметить, что любезным предложением Е. Мальцева перегнать царских коней под прикрытием дипломатической миссии воспользовался весь астраханский гарнизон, добавивший в этот табун и своих коней, которые, очевидно, были

приобретены членами гарнизона в Астрахани. Этот караван начал свой неспешный путь под дипломатическим прикрытием. В районе «Аксараи Узюбек царя, не дошед Больших Сараи», на них напал Тохтар-мирза. Сначала ему удалось отогнать лошадей и ограбить один стан, но представители посольской миссии открыли огонь из пищалей и захватили в плен людей Тохтара. В итоге конфликт был мирно урегулирован: Тохтар приехал к Е. Мальцеву, сослался на путаницу, что решил, что это некие «шесть братьев», и стороны в итоге провели обмен. Ногайский мирза отдал имущество и лошадей, а русский посланник — пленных [ПКСРНО 1551–1561, с. 278]. Е. Мальцев позднее сообщал о нападениях татар на своих гонцов [ПКСРНО 1551–1561, с. 294], что, несомненно, затрудняло оперативное информирование Москвы об опасностях и о ходе самой миссии. Впрочем, стоит полагать, что это была суровая повседневность, на которую не всегда обращали внимание и не всегда фиксировали в источниках. Необъявленная война в «поле» всех против всех не была нацелена на конкретных послов и, скорее всего, не имела таргетированного характера. Имели место случаи, когда действия таких отрядов наносили ущерб тем сторонам, ради которых, как кажется, они действовали. Показателен случай 1567 г., когда отряды союзного Крымскому ханству Казы-мирзы разогнали посольство казанцев, шедшее в Крым просить помощи в борьбе за изгнание русских из Казани. В результате этого нападения Тогилдей, везший грамоту к хану Девлет-Гирею, утонул, и грамота погибла вместе с ним [ПКСРК 1567–1572, с. 88]. Не меньший интерес представляет рассказ полоняника Степана Алферова сына Корышева, который сообщает о вольных шайках. Приведем это сообщение полностью: «Майя в 29 день сказывал Офонасью да Федору с товарищи полонянин Степанко Олферов сын Корышев, казак, а был в черкасах с Ываном с Орустовым, как шел из черкас князь Иван Дашков, и его деи взял, не доходя, Азстороханские соли на стороже азстороханские татарове Кубок да Зема, а с ними деи были нагайские люди Тенехматова да Урусова улуса татарове Богона да Еникеи, всего их пятьдесят человек, а с Степанком деи на стороже взяли казаков и стрелцов, и боярских людей пятнатцать человек, и азстороханские деи татарове Богона да Зема привели их и розпродали в Крыме, а мать деи и жена у Кубака в Асторохани, а другая жена в нагаех, а третья жена в Азове...» [ПКСРК, с. 109]. В 1569 г. из Ногайской Орды возвращался русский посланник Семен Мальцев, и на Переволоке на него напали «азовские казаки да Казы-мурзины люди и Енговат-мурза Шийдяков внук сто семдесят человек. И меня государь взяли замертва ранена, и государьских толмачей и людишок моих и весь мой животец поимали» [ПКСРК, с. 254].

Напряженная ситуация в «поле» сохранялась и позднее. Здесь действовали различные вольные сообщества, которые постепенно оседали по Днепру, Дону и Волге. Азов же сохранял для них характер «тихой гавани». Во всяком случае, именно такую картину нарисовал русский посол в Османскую империю И. Новосильцев. В своей отписке, доставленной в Москву с Дона 10 ноября 1571 г., он с тревогой писал о следующем. «Как мы пошли из Азова пришла ко

мне весть, что деи за нами пошли из Азова полем казаки атамань Сенка Ложник с товарищи восмдесят человек да с ними ж деи ся прибирают казыевы татарове да два атомана крымских, а с ними человек с триста, а хотят деи нас на Дону или на украине громити с обеих сторон» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 2, л. 50–50об.]¹. В таких условиях И. Новосильцев должен был тщательно продумать свой путь, чтобы вырваться из готовящейся ловушки – и, надо сказать, ему это в целом удалось. Он отказался от движения к Донкову, т.к. там по пути нет крепостей, а решил идти «из Дону Воронежем в Рязской город» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 2, л. 50об.]², хотя корм у них был лишь по «Медведицкое устье» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 2, л. 51]. Это тревожное сообщение вызвало логичную реакцию. 14 ноября 1571 г. в Рязк к воеводе князю Б. Засекину отправили грамоту с приказом послать на Воронежское устье детей боярских и подводь и корм [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 2, л. 51об.]. Небезопасное путешествие закончилось для И. Новосильцева удачно: 19 декабря он приехал к царю Ивану IV в Александровскую слободу [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 2, л. 56]. Но, как было показано выше, такой положительный исход дела в «поле» имел место далеко не всегда.

Анализируя все эти примеры (или, как сегодня принято говорить, кейсы), мы можем выделить несколько важных моментов. Во-первых, можно утверждать вне всяких сомнений, что все эти группировки возникли на рубеже XV–XVI вв. и что их возникновение было обусловлено крахом Большой Орды. Именно образовавшийся вакуум власти привел к появлению феномена «поля», находившегося вне всякой юрисдикции. Заметим, что при этом нет смысла расширять пространство «поля» до всей территории Дешт-и Кипчак. Во всяком случае, так не делали русские послы, разграничивавшие «поле» и, например, ногайские улусы. Во-вторых, не стоит предполагать некое постоянство и четкую локальность этих групп. Правы И.А. Мустакимов и Д.В. Сень, утверждающие, что постоянное казачье население появляется на Дону в середине XVI в. и не раньше [Мустакимов, Сень, 2012, с. 172]. Все источники представляют временный и в определенном смысле случайный характер подобных сообществ. Более того, он сохранялся и позднее. Об этом свидетельствует рассказ С. Корышева (1567 г.). Очевидно, что все попытки старой историографии найти в деятельности казаков какой-то серьезный план и политическую заинтересованность «великих держав» чаще всего обречены на провал. Скажем больше: для многих участников подобных групп это была даже не всегда основная деятельность, а что-то вроде промысла. Очевидно, что самая точная характеристика этих людей была дана в одном из московских посланий ногаям,

¹ В итоговом статейном списке Ивана Новосильцева, опубликованном впервые в 1954 г. в сборнике статейных списков «Путешествия русских послов XVI–XVII вв.», эта ситуация не была отражена [Путешествия, 2008, с. 98]. Как отмечает Б.А. Куненков, в отписках информация передается полнее по сравнению с итоговым статейным списком [Куненков, 2019, с. 62, 64]. О технологии подготовки статейных списков см.: [Рогожин, 1994, с. 149–159; Лисейцев, 2003, с. 287–312; Куненков, 2019, с. 59–78].

² Отметим, что стратегическое значение устья реки Воронеж и сподвигло русское правительство вскоре после описываемых событий поставить здесь крепость. (О проблеме установления даты основания Воронежа см.: [Глазьев, 2017, с. 15–20].)

где их называли «баловнями». В-третьих, мы должны признать интернациональный состав таких сообществ. И это, кстати, бесстрастно фиксируется источниками. Однако представителям таких сообществ важно было располагать местами, где они могли бы укрыться, продать или сменить свою добычу. Своеобразными «Тортугами» стали для них сначала Азов и Мещера, а позднее ее роль перешла к русской Астрахани. Но вот здесь-то они и подпадали под юрисдикцию государства, которое при необходимости прибегало к репрессиям. Выше я уже упоминал, каким образом Московское государство решало проблему с вольными казачьими сообществами, разыскивая их представителей на своей территории и подвергая их строгим наказаниям. Ровно таким же образом поступало и Османское государство. К репрессиям против азовских казаков турки-османы впервые прибегли в 1503 г. Впрочем, такие действия не имели систематического характера, хотя турки-османы затем возвращались к ним время от времени. Например, в 1565 г. султан приказывал казнить лиц, ответственных за нападения на русских и черкесов [Мустакимов, 2015, с. 6; Мустакимов, Сень, 2012, с. 179].

В целом можно признать, что все правительства, втянутые в столь актуальную и даже болезненную тогда проблему, предпочитали указывать на неопределенность статуса казаков, концентрируясь на борьбе с теми преступниками, которые попадали под их юрисдикцию, ориентируясь при этом на политическую целесообразность. Особенно это заметно в случаях, когда некоторые из таких вольных сообществ приобретали черты постоянства и относительно долго сохраняли локализацию (пример азовских или донских казаков). С этого момента они обретали высочайшее покровительство, т.к. с их помощью власти разных государств могли достаточно дешево решать свои задачи, хотя распространять на них понятие подданства и нельзя. Как итог, несмотря на все усилия правительств, дипломатические миссии и купеческие караваны, шедшие через «поле», так и оставались беззащитными и отданными на волю случая.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Глазьев В.Н. Город-крепость Воронеж в конце XVI века: обзор источников // *«Воронеж – форпост Российского государства» (к 840-летию первого упоминания г. Воронежа в русском летописании): Материалы всероссийской научной конференции / науч. ред. Ю.В. Селезнев. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2017. С. 15–20.*

Куненков Б.А. Порядок составления дипломатической отчетности: статейный список и посольские отписки // *«Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М.: Институт российской истории РАН, 2019. С. 59–78.*

Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2003. 264 с.

Мустакимов И.А., Сень Д.В. Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. // *Вестник Танаиса. Вып. 3*. Недвиговка: Археологический музей-заповедник «Танаис», 2012. С. 172–189.

Мустакимов И.А. Азов в крымско-османских отношениях периода правления хана Девлет-Гирея I (по османским документам) // *Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.)*. Ростов н/Д: Foundation, 2015. С. 5–8.

Мустакимов И.А. Из истории азовских (татарских) казаков второй половины XVI века // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. Вып. 9. С. 184–189.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 12. 272 с.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 13. 544 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. (ПКСРНО). Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1995. 356 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.) / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Татарское книжное изд-во, 2006. 389 с.

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. (ПКСРК) / Отв. ред. М.В. Моисеев; подг. текста А.В. Малов, О.С. Смирнова; статьи, комм. А.В. Виноградов, И.В. Зайцев, А.В. Малов, М.В. Моисеев. М.: Фонд «Русские витязи», 2016. 400 с.

Путешествия русских послов XVI–XVII вв. СПб.: Наука, 2008. 504 с.

Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV–начала XVII в. М.: ИРИ РАН, 1994. 221 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2.

Трепавлов В.В. Тюркское казачество во время и после распада Золотой Орды // *Казачество в тюркском и славянском мирах: колл. монография*. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2018. С. 173–201.

REFERENCES

Glaz'ev V.N. Gorod-krepost' Voronezh v konce XVI veka: obzor istochnikov [Town-fortress Voronezh in the late 16th century: the review of the sources] in "Voronezh – forpost Rossijskogo gosudarstva" (k 840-letiju pervogo upominanija g. Voronezha v russkom letopisanii): *Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii* ["Voronezh-Outpost of the Russian state" (to the 840th anniversary of the first mention of Voronezh in the Russian chronicle): Proceedings of the all-Russian scientific conference] / scientific ed. Yu.V. Seleznyov. Voronezh: VGU Publ., 2017. Pp. 15–20 (in Russian).

Kunenkov B.A. Porjadok sostavlenija diplomatičeskoj otčjotnosti: statejnyj spisok i posol'skie otpiski [The procedure of preparation of diplomatic reporting: the statejnyj list and the ambassadors and the replies], in *"Čtoby ne perestala pamjat' roditel'j naših i naša, i sveča by ne ugasla..." : k 70-letiju Nikolaja Mihajloviča Rogožhina*. ["So that the memory of our parents and ours would not cease, and the candle would not go out...": to the 70th anniversary of Nikolai Mikhailovich Rogozhin.]. M.: IRI RAN Publ., 2019. Pp. 59–78 (in Russian).

Lisejcev D.V. *Posol'skij prikaz v jepohu Smuty* [Posolski prikaz in Time of Trouble]. M.: Publishing Center of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 2003. 264 p. (in Russian).

Mustakimov I.A., Sen' D.V. Azov i donskie kazaki po osmanskim dokumentam 1560–1570-h gg. [Azov and Don Cossacks according to Ottoman documents 1560–1570-h gg.], in *Vestnik Tanaisa. Vyp. 3* [Bulletin Of The Tanais. Issue 3]. Nedvigovka: Archaeological memorial estate "Tanais", 2012. Pp. 172–189 (in Russian).

Mustakimov I.A. Azov v krymsko-osmanskij otnoshenijah perioda pravlenija hana Devlet-Gireja I (po osmanskim dokumentam) [Azov in Crimean-Ottoman relations during the reign of Khan Devlet Giray I (according to Ottoman documents)], in *Arhivy i arhivnoe delo na Juge Rossii: istorija, sovremennost', perspektivy razvitija. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Rostov-na-Donu, 16–17 oktjabrja 2015 g.)* [Archives and archival business in the South of Russia: history, modernity, prospects of development. Materials of the all-Russian scientific conference (Rostov-on-Don, October 16–17, 2015)]. Rostov-on-Don: Foundation, 2015. Pp. 5–8 (in Russian).

Mustakimov I.A. Iz istorii azovskih (tatarskih) kazakov vtoroj poloviny XVI veka [From the history of the Azov (Tatar) cossaks of the second half of the 16th century], in *Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. Kazan: Sh. Maržani Institute of History, Academy of Sciences of the RT, 2017. Vol. 9. Pp. 184–189 (in Russian).

Polnoe sobranie russkij letopisej [The complete collection of Russian Chronicles]. M.: Jazyki russoj kul'tury Publ., 2000. T. 12. 272 p. (in Russian).

Polnoe sobranie russkij letopisej [The complete collection of Russian Chronicles]. M.: Jazyki russoj kul'tury Publ., 2000. T. 13. 544 p. (in Russian).

Posol'skie knigi po svjazjam Rossii s Nogajskoj Ordoj 1489–1549 gg. [Embassy books of Russia for relations with the Nogaian Horde. 1489–1549] Mahachkala: Dagestan Book Publ., 1995. 356 p. (in Russian).

Posol'skie knigi po svjazjam Rossii s Nogajskoj Ordoj (1551–1561 gg.) [Embassy books of Russia for relations with the Nogaian Horde. 1551–1561] / Comp. by D.A. Mustafin, V.V. Trepavlov. Kazan: Tatar Book Publ. House, 2006. 389 p. (in Russian).

Posol'skaja kniga po svjazjam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567–1572 gg. [Embassy books of Russia for relations with the Crimean khanate. 1567– 1572.] / Resp. Ed. M.V. Moiseev; drafting A.V. Malov, O.S. Smirnova; articles, comments A.V. Vinogradov, I.V. Zaitsev, A.V. Malov, M.V. Moiseev. M.: Fond "Russkie vitjazj", 2016. 400 p. (in Russian).

Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv. [Traveling Russian ambassadors of the 16th–17th centuries]. SPb.: Nauka, 2008. 504 p. (in Russian).

Rogozhin N.M. Posol'skie knigi Rossii konca XV–nachala XVII vv. [Embassy books of Russia the late 15th – early 17th century]. M.: IRI RAN Publ., 1994. 221 p. (in Russian).

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. F. 89. Inv. 1. Kn. 2.

Trepavlov V.V. Tyurkskoe kazachestvo vo vremya i posle raspada Zolotoj Ordy [Turkic Cossacks during and after the collapse of the Golden Horde], in *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirah: koll. Monografiya* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds: Coll. monograph]. Kazan: A. Khalikov Institute of Archeology, Academy of Sciences of the RT, 2018. Pp. 173–201 (in Russian).